

Я ХОТЕЛ БЫ ЖИТЬ СО СКВОРЦОМ...

* * *

Сладко уразуметь, как прядут и ткут.
Время перерождается, подхватив
Райским вратам двоюродный древний труд,
Шелковый этот, льняной, шерстяной мотив.

В Месопотамии или в Египте – там,
Прежде, чем первый выкован был клинок,
Трепет священный по женским прошел перстам,
Волны и струны сошлись: побежал челнок.

Видно, и впрямь терпенью гений сродни,
И уж наверное ритмом песня жива.
Спеет, копясь, клетчатка долгие дни,
Жито и ткань приваживают слова.

Слаще вина процеженного глотка
Нежит шероховатое полотно.
Цевка – сестра цевнице, и жизнь – сладка.
Плещет в амбары собранное зерно.

Весел твой замысел, ткань живая, и прост.
Дням ли, тысячелетьям потерян счет, –
Тянется, тянется с неба серпянка звезд,
Крутится, вертится шар голубой – и ткёт.

1997

* * *

А. Гелих

Молодость склонна к эпосу, значит – к утрате:
К долгой разлуке, к неутолённой любви.
Троя – вот ее нерв: там Зевс на подхвате,
Стройный сюжет, замешанный на крови.

Самоубийство ей кажется сильным ходом –
Правда, всё реже: всё-таки век не тот.
Скучно с милой квитаться или с народом,
Зная: Олимп и бровью не поведёт.

Помню, бродил я по городу днём погожим,
Ссору лелея и втайне собой гордясь,
А Каллиопа, дряхлея, врала: – Отложим!
Выдюжим, лишь бы пряжа не порвалась.

Молодость мнит, в закон возвышая частность,
На поколения вперед закупить места.
Биологическая целесообразность –
Вот ее неподсудная правота.

Если бы старость могла, а молодость знала!
Впрочем, формулу можно и развернуть:
В чём-то ведь правду гречанка мне нашептала:
Лишь к тридцати мы умеем подковы гнуть,

Лишь к сорока сообщается нам дорога...
Кто в Лабиринте шишек успел набить, –
Тот, поостыв, человека, страну и Бога
Только взаимной любовью готов любить.

1995

* * *

Святой Георгий на коне,
Тесак и пика, весь в броне,
Под ним – несчастный ящер.
Не дав травинку дожевать,
Спешит его освежевать
Мой кровожадный пращур.

Зверь безобиден, не крылат,
Плешив и кроток, как прелат,
Но, одержимый духом,
Мой тезка, доблестный в бою,
Коня пихает на змею
Незащищенным брюхом.

Мы в бой пошлем своих сынов
За равноправье скакунов,
За ящеров свободных.
В своей же собственной стране
Противен витязь на коне
Защитнику животных.

2006

* * *

Вот Гамлет. Он уцелел и стал королем.
Жива и Офелия. Мы слезы не прольем –
Ну, разве от счастья: сейчас влюбленных поженим.
Конец страстям и прочим пустым движеньям.
Ничто не подгнило в Дании. Сыт народ.

Монарх ученый шкуры с нас не дерет.
Убийца – на Темзе, в одной из дальних колоний.
Гертруда – в монастыре. Сияет Полоний.
Пасутся овцы. Всюду мир и прогресс.
У Фортенбраса гнев на Польшу исчез.
Горацию дали в Эльсиноре квартиру –
И нечем, нечем нас огорчить Шекспиру.
Воображала чуши нагородил,
Из устаревшей ереси исходил.

2006

* * *

Цветок незряч и слуха не имеет –
И Моцарту пернатому не рад.
Где сведенья, что он ценить умеет
Хоть свой неповторимый аромат?

В банаховом пространстве пребывает,
В монашестве, нездешний, как звезда.
Всего страшней, что он тебя не знает,
Увянет, не увидев никогда.

2006

* * *

Обожгу горшок, напишу стишок,
Оторвусь от земли на вершок.
Миллиарды лет мать пуста земля
Мне готовила посошок.
Километры вглубь мать скупа земля,
Накопляла, мгновенья для,
Глинозём земли, ко грешку грешок,
Птеродактиля, мотыля.
И на месте том, где увял стишок,
Над родным языком
Шевеля плавником,
Вырастет артишок... art-и-shock.

2006

* * *

Нарисуй для меня скворца.
Я хотел бы жить со скворцом,
Отвернуться от подлеца,
Повернуться к скворцу лицом.

Отвратителен мне Творец,
Хоть и знаю, что нет его.
Предпочтителен мне скворец,
Несомненное существо.

Дотянуть хочу до конца
Без свинчатки и без свинца,
Повернуться к стене, уснуть,
И во сне увидеть скворца.

2006

Пушкин: предсмертные сны

(1) Один из нас бессмертен для другого.
Сейчас умру – и вечность напролет
Враг, воплощением всего живого,
Всё будет жить и метить мне в живот.

(2) За миг до смерти гений видит сон:
Любимую с другим в сени алькова.
Развеществовались разом твердь и слово,
И мертвым сердцем Бога проклял он.

2005

* * *

Влюбленные играют в поддавки.
Счастливычки! Им никого не надо.
Гуляют у кладбищенской реки,
Где смотрит в реку ржавая ограда.

Бессмертному чужая смерть легка.
Им любопытны старые могилы,
Над ними неподвижны облака
И вечный день стоит, как Фермопилы.

2006

* * *

Соседка бродит в переулке,
А рядом, плюшевый магнит,
Полдня прождавшая прогулки
Болонка в шлейке семенит.

Когда бечевка на пределе,
Подружки связаны тесней.
Одна из двух всегда при деле,
Другая тянется за ней.

Я всякий раз немного трушу
И заклинанья бормочу,
Свою выгуливая душу:
Всё кажется, что упущу.

Над этим телом виноватым,
Над черным лаком невских вод

Гомункулом замысловатым
Она спиральями плывет.

Над Латераном пролетела,
Над Лувром сделала виток.
С понятным страхом чует тело
Нематерьяльный поводок.

Полубезлюдный город гулок.
Назад торопится душа.
Хорош Кричевский переулок.
Соседка тоже хороша.

2005

* * *

Бессмертную-то – что ж и не продать?!
Как тот пятак, она в себя вернется,
А туошнее – склонно увядать:
Сегодня бьется, завтра – разобьется.

К ее устам не поднесут стекла.
Застенчиво, но никогда не сыто
Глядит на преходящие дела
Аленушка, она же – Карменсита.

Ей нравится на этом берегу,
На тот – она отправится без спросу.
Нет, лучше я *его* поберегу,
А либертинку отпущу к матросу.

2007

Ориенталии

1

Неужто выживем? Непостижим
Схвативший нас водоворот событий –
И пощадивший. Бочка под скалой.
Нас чудом вынесло на милый берег.
Дно высажено, жалкие пожитки
В камнях рассеяны, а в стороне
Еще родная злобствует стихия.
Но этот древний, выстраданный воздух
Уж слишком полон мыслью, слишком сладок,
Чтоб нам его могло недоставать...

Вавилонянин Мушезиб Мардук
Не нам ли шлёт поклон тысячелетний?
Он торговал на этих берегах,

А нам велит обзаводиться домом,
И мы попробуем...

Едва укладывается в сознаныи,
Где мы живём. Переверни бинокль
И посмотри – сквозь камни Хасмонеев,
Сквозь пыль Рамсесов и халдейский зной –
Туда, на жмущееся к стенке детство,
Картавое, в обидах, синяках,
Прозреньях и надеждах горделивых...
Там – рай прогорклый, коммунальный быт,
Сопенье примусов и керосинок,
Булыжный двор, сараи дровяные...
Неужто это было наяву?

Сентябрь. Хамсин. Палящая жара.
Слепяще бел иерусалимский камень.
Ты отправляешь дочку в магазин
За хлебом, сливками и кока-колой –
И не отвешиваешь серебро,
А жёлтую хрустящую бумажку
Суешь ей в руку: это десять *сиклей*...

2

Обыденная жизнь в стране необычайной
Трудна еще и тем, что песня стеснена.
Здесь жезл миндалевый пронёс Иеремия –
Поймём ли, отчего так сокрушался он?
Освенцим, может быть, провидел, Хиросиму,
Эпоху дискотек... Избранничества дар
Тяжёл: поди посмей возвысить тут свой голос
На скифском языке!..

А всё-таки решусь: вот виноградник, там
И в полдень уголок тенистый мы отыщем.
Мне Суламифь туда дорогу указала.
Ее пророчеству не нужен перевод,
Как земледелию – истолкователь...

1984-95

* * *

Евгений... Какое красивое имя: Евгений!
Я девственный вижу аттический мрамор ступеней.
Я Пушкина слышу. Я слышу раскаты героической
Музыки: идет полководец Евгений Савойский.
А вот и народ, этим именем одушевленный:
Многомиллионный Евгений удешевленный.
В толпе и поэт-попрошайка с улыбкою своейской.
Что слышно? Захаживай в гости, Евгений с авоськой.

2007

* * *

Мы возводили Вавилон.
Среди его стропил
Один красив, другой умён,
А третий счастлив был.

Наивничали мы, цвела
Ребячливость меж нас,
И наши гордые дела
Не поражают вас.

Все наши звери – ДНК,
Квазары, Интернет –
Заняты вам издалека
Что твой велосипед.

Вы одеваетесь не так,
Вас декольте смешат,
И мой бесхитростный пиджак –
Музейный экспонат.

Но день не сделался длинней,
Везувий не погас,
И вы не лучше, не умней
И не счастливей нас.

1998

* * *

На голых ветвях, при мерцании звезд
Не спит до утра обезумевший дрозд,
Хвалебную песнь вознося фонарю,
В неоновом свете он встретит зарю.

Природа обманута. Птица поёт
И губительной истины не сознаёт.
Убогий мирок отвоёван у тьмы.
Пичуга не вынесет этой зимы.

Смешны и страшны обольщенья певца.
Он славит химеру, не чужа конца.
В никчёмном порыве живая свирель
Расходует кровь на картавую трель.

На этой вот улице мы и умрём,
Сорвав голоса под ночным фонарём.
Конец недосыпам и каторге дня.
Пусть новый безумец помянет меня.

1995